

М.М. Голубков (Москва)
Творчество А.И. Солженицына
как итог литературного столетия

Солженицын - пророк в своем отечестве. Можно без преувеличения сказать, что это центральная фигура современной русской литературы. Мало того, это знаковая фигура рубежа веков, понять роль и значение которой можно, лишь определив его место в литературном процессе XX столетия в целом. Для этого, как нам представляется, необходимо выявить собственно эстетическую доминанту его творчества и соотнести ее с теми принципиально новыми эстетическими явлениями, которые характеризуют литературный процесс ушедшего века.

В сущности, литературная эпоха XX столетия имеет четко обозначенную кольцевую композицию: два рубежа веков (XIX - XX и XX - XXI) схожи, начала и концы предстают как явно соотнесенные. Подобно тому как модернистская эстетика в конце XIX столетия кардинально изменила предшествующую литературную (реалистическую) парадигму, так постмодернизм конца XX принялся разрушать то, что было создано до него. Но если в отношении к смене веков столетней давности мы можем сказать, что экспансия модернизма привела к художественной революции, предопределившей характер литературного процесса на целое столетие, а сама эпоха дала столь значимые художественные явления, что по праву именуется Серебряным веком, то каковы будут результаты экспансии постмодернизма, сказать пока трудно. Ясно лишь, что одну из исто-

рических задач, возложенных на него литературой, он выполнил: начав с разрушения прежних бытовых и соцартовских канонов, официальных литературных клише соцреалистической мифологии, он разрушил серьезное отношение к литературе, десакрализировал литературу, лишил ее права быть Церковью, а писателя - пастырем. Как угодно можно относиться к постмодернизму, но вычеркнуть его из истории российской словесности, к радости или печали, уже не удастся: русская культура на наших глазах почти моментально, за какое-нибудь десятилетие, утратила важнейшее свое качество, свойственное ей на протяжении трех последних столетий: литературоцентризм. Литература перестала формировать систему общественных и социально-политических приоритетов: писатель, если воспользоваться словами Пушкина, утратил дар Пророка и превратился всего лишь в поэта. Писатель стал всего лишь писателем, как, скажем, в Европе или в Америке.

Литературная эпоха XX века началась сменой художественных парадигм и завершилась ею же: постмодернизм, вторичная художественная система превратила художественное творчество в игру, а литературу - в изящную словесность. В результате возникла ситуация, которую условно можно обозначить как ситуацию культурного вакуума: перестав быть литературоцентричной, культура не смогла (пока еще?) найти иной центр, создающий систему идеологических, эстетических и нравственных координат.

Мы живем в совершенно иной художественной и литературной реальности, как и люди Серебряного века, осознававшие принципиальную новизну своего времени в отношении к XIX столетию. Серебряный век, блестящая эпоха модернизма, философская и художественная утонченность символизма, приведшая к ее акмеистическому преодолению, обозначили начало новой художественной эпохи - литературы XX века. Ровно через сто лет постмодернизм обозначил ее верхнюю историческую границу, но, в отличие от Серебряного века, не начало нового периода: если сто лет назад на первый план выдвигались задачи творческого созидания новой эстетики и этим обуславливался пафос отрицания опыта предшественников, в первую очередь реалистов, то сейчас созидательные задачи не вполне очевидны.

Таким образом, литературная эпоха XX столетия обладает своего рода кольцевой композицией. Ее начало определено художествен-

ной революцией рубежа веков, экспансией модернизма, синтезом религиозно-философской и художественной мысли в литературе модернизма, резкой оппозиционностью к предшествующему периоду, антиреалистическим пафосом, утверждением, абсолютно правомочным, собственной принципиальной новизны. Через сто лет, вероятно, исчерпав заложенный мощным импульсом Серебряного века потенциал, литературный период завершается постмодернистским самоотрицанием.

Как это проявляется в литературном процессе? Как формируют современную социокультурную ситуацию?

Современная русская культура на наших глазах резко меняет свои очертания. Для нас, в контексте разговора о Солженицыне¹, важно изменение статуса литературы: **русская культура перестала быть «литературоцентричной».**

Хорошо это или плохо? Перед ныне живущими поколениями русских людей, привыкших видеть в литературе одну из самых важных форм общественного сознания, подобная ситуация может предстать как драматичная. Новый писатель, пришедший в литературу в 1990-е годы, за редким исключением не только не может, но и не хочет предстать реалистом, следовательно, мыслителем, всерьез озабоченным ролью человека в историческом процессе, философом, размышляющим о смысле человеческого бытия, историком и социологом, ищущим истоки сегодняшнего положения дел и нравственную опору в национальном прошлом. Если все эти темы и остаются, то в заниженном, комическом, пересмеянном варианте, как, к примеру, у В. Пелевина в его романах «Жизнь насекомых» или «Чапаев и Пустота». Роль писателя как учителя жизни оказалась поставлена под сомнение. Поэтому читателями, традиционно рассматривающими литературу как учебник жизни, а писателя - как «инженера человеческих душ», нынешнее положение осмысляется как ситуация пустоты, своего рода культурного вакуума.

Масштабы подобного можно себе представить особенно наглядно, если вспомнить, что два последние столетия, начиная с пушкинской эпохи, русская культура была именно литературоцентрична: словесность, а не религия, философия или наука формировали национальный тип сознания, манеру мыслить и чувствовать.

В результате литература сакрализовалась, стала священным национальным достоянием. Формулы «Пушкин - наше все» или «Пушкин у нас - начало всех начал» определяли место литературы в национальной культуре и место писателя в обществе.

Но естественна ли была сакрализация литературы, ее культ в сознании русской интеллигенции? Возможно, нет - хотим ли мы того или не хотим, русская литература XIX и XX веков приняла на себя функции, вовсе не свойственные словесности. Она стала формой социально-политической мысли, что было, наверное, неизбежно в ситуации несвободного слова, стесненного цензурой - царской или советской. Вспомним мысль Герцена: народ, лишенный трибуны свободного слова, использует литературу в качестве такой трибуны. Она стала формой выражения всех без исключения сфер общественного сознания - философии, политики, экономики, социологии. Писатель оказался важнейшей фигурой, формирующей общественное сознание и национальную ментальность. Он принял на себя право бичевать недостатки и просвещать соотечественников, указывать путь к истине, быть «зрячим посохом» народа. Это означало, что литература стала особой формой религии, а писатель - проповедником. Литература подменила собой Церковь.

Подобная ситуация, сложившаяся в XIX веке, стала особенно трагичной в XX столетии, в условиях гонения на Церковь. Литература оказалась храмом со своими святыми и еретиками, тексты классиков стали священными, а слово писателя могло восприниматься как слово проповедника. Литература как бы стремилась заполнить нравственный и религиозный вакуум, который ощущало общество и его культура. Но беда в том, что слово художника - не слово пастыря. Ничто не может заменить обществу Церковь, а человеку - слово священника. Литература, взяв на свои плечи непосильную ношу, надорвалась к концу века. Отсюда и трагическое для общества ощущение утраты последней веры и культурного вакуума - ведь именно в литературе XIX столетия сформировались национально значимые образы, своего рода архетипы национальной жизни, такие, как «Обломов и обломовщина», «тургеневские девушки», «липшие люди» Онегин и Печорин. В XX веке ситуация почти не изменилась. Достаточно вспомнить широкие образы-символы, пришедшие из литературы в действительность 1980-1990 годов: «ман-

курт» Ч. Айтматова, «белые одежды» В. Дудинцева, «пожар» В. Распутина, «покушение на миражи» и «расплата» В. Тендрякова и «раковый корпус», «красное колесо», «шарашка», «архипелаг» А. Солженицына. Они сложились в своего рода «код» эпохи и стали категориями общественного сознания первой половины 90-х годов. И вдруг, внезапно, молниеносно, меньше чем за десятилетие, литература перестала быть религией, слово писателя - словом духовного пастыря.

Драматическое ощущение тупика и конца русской литературной традиции последних трех столетий - в резком изменении социокультурной ситуации, о которой шла речь. Однако обращение к опыту Солженицына обнаруживает иллюзорность подобных представлений о литературе рубежа XX-XXI веков. **Солженицын - художник, предлагающий очень современные векторы литературного движения**, которые именно в ситуации постмодернистского кризиса видятся особенно актуальными:

- это обретение нового качества реализма (в сравнении с XIX и XX веками),
- художественное выражение религиозно-философской концепции бытия,
- освоение художественного опыта модернизма и постмодернизма.

Солженицын принадлежит к тому типу творческой личности, которая стремится реализовать возможности прямого воздействия на общество писательским словом. Думается, что и литературное поприще было избрано им как общественная трибуна, с которой можно обратиться к современникам и потомкам. Литературный дар открывал возможность, оставаясь художником, говорить о проблемах политических, как бы балансируя между политикой и художественностью и совмещая их. «Конечно, политическая страсть мне врожденна, - размышлял Солженицын уже значительно позже о первых днях своего пребывания на Западе, после депортации из СССР в 1974 году. - И все-таки, она у меня - литературой, после, ниже. И если б на нашей несчастной родине не было погублено столько общественно активных людей, так что физикам-математикам приходилось братья за социологию, а поэтам за политическое ораторство, - я отныне и ос-

тался бы в пределах литературы» (Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая. 1974 - 1978).

Такое понимание литературных целей определяет, в первую очередь, реалистическую доминанту его творчества. Солженицын, формируясь как творческая личность в историко-культурной ситуации 30-х годов, унаследовал от нее и пронес через всю жизнь представление о том, что только **реализм является наиболее адекватным методом постижения правды жизни**. «Ничего не поделаешь, - говорит он, - я действительно не вижу перед собой задачи выше, чем служить реальности, то есть воссоздавать растоптанную, уничтоженную, оболганную у нас реальность». Но что мыслит Солженицын под этим словом? В том, как отвечает писатель на этот вопрос, и кроется, во-первых, ключ к его пониманию собственных творческих задач, во-вторых, истоки его принципиальных разногласий с реалистами XX века, такими, как, скажем, М. Горький или А. Толстой.

Суть в том, что **Солженицын - религиозный писатель**. Достаточно вспомнить, что он был первым православным мыслителем, удостоенным Темплтоновской премии «За прогресс в развитии религии», основанной в США фондом Темплтона. Поэтому мир, нас окружающий, он видит как Творение, исполненное глубочайшего смысла, в том числе и символического. Поэтому он вовсе не нуждается в домысливании, в обогащении художественного образа, в «типизации», основе основ реалистического метода. Задача художника состоит в том, чтобы постичь в реальности, нас окружающей, Божий замысел о мире, глубинный символический смысл событий и явлений, свидетелями которых мы оказываемся, но истолковать которые далеко не всегда можем. Здесь секрет того, что в его эстетике соединяется несоединимое: с одной стороны, строгий документализм, принципиальный отказ от любого вымысла, который трактуется как ненужное излишество, способное исказить истинную картину событий, будь то описание гибели Матрены или же убийство Столыпина; с другой стороны, глубинная онтологическая символика, которую видит писатель в документально подтвержденных фактах. Поэтому вымысел не характерен для Солженицына, он прибегает к нему тогда, когда реальные факты и документы принципиально недоступны. Едва ли не единственный случай вымысла -

«сталинские» главы романа «В круге первом». Конечно же, все детали жизни вождя там вымышленные - и графинчик с замочком на горлышке, чтобы не подсыпали яду, и ключик от него, и многие-много детали, воспроизводящие мироощущение человека, добровольно обрешего себя на одиночество в подвале-бункере, охраняемом лучшими силами МТБ. Когда Твардовский указал ему на явную вымышленность этих глав, Солженицын парировал: пусть вождь теперь пожинает плоды закрытости собственной жизни. Если никто не может знать их достоверно, то художник имеет право на домысливание. В остальном же он стремится избежать вымысла: важнее прочесть в самой реальности Божьего творения ее скрытый, глубоко символический смысл.

Религиозность писателя обуславливает **стоицизм как основание личной и творческой позиции**. Без нее нельзя понять ни развязку романа «В круге первом», ни рассказы 90-х годов, в частности «Эго» и «На краях». Истоки этого стоицизма в критике гуманистической традиции, идущей от ренессансной эпохи и обоснованной просветителями XVIII века, традиции, поставившей в созданной ей картине мироздания человека на место Бога. Современная цивилизация, по мысли писателя, трактует человека как существо изначально совершенное, делает своей целью максимальное удовлетворение его материальных потребностей. Но если бы целью человеческой жизни действительно было бы это, то, наверное, человек не был бы смертен. Следовательно, по Солженицыну, цель жизни в том, чтобы покинуть этот мир существом более совершенным, нежели пришел в него, а не получение максимально больших удовольствий. Вот где истоки стоицизма как жизненной и творческой позиции.

Глеб Нержин, герой романа «В круге первом», в момент жизненного перепутья спрашивает себя: для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! Зачем -ты, если ничего, кроме тебя?..

В сущности, герой ставит перед собой важнейший вопрос о смысле жизни. Понять, как решает его Солженицын, - значит найти ключ к его концепции мира и человека в этом мире. Однако сделать это можно, лишь обратившись не только к корпусу текстов писателя, но и к его публицистике, в первую очередь в Гарвардской речи

и Нобелевской лекции. Говоря о человеке современного мира, утратившем представления об истинных ценностях и устремившемся в погони за ценностями призрачными и ложными, Солженицын касается общих проблем Запада и Востока: он видит общий исток мировоззрения двух миров.

Состояние современной западной цивилизации, упрощение и деградацию «массового существования», «как визитной карточкой предпосылаемого отвратным напором реклам, одурением телевидения, непереносимой музыки», писатель осмысляет как кризисное. Теперь, спустя четверть века после произнесения Гарвардской лекции, эта черта характеризует и фасадную сторону нашей жизни: в сущности, она предлагает личности лишь те же самые материальные ценности, которые приводят к нравственному тупику, ибо в забвении оказались истинные, духовные ценности, единственно могущие дать человеку смысл земного бытия.

Истоки кризиса современной цивилизации писатель видит в гуманистических идеях западноевропейского Возрождения, в философских и политических доктринах Просвещения.

Как **одно из самых больших заблуждений современной цивилизации** писатель трактует гуманистические идеи, восходящие к ренессансной эпохе и высшей ценности мира, центром мироздания, целью развития вселенной утверждающие человека. «Мерою всех вещей на земле оно (гуманистическое мировоззрение. -М. Г.) поставило человека - несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятка других пороков». Такие идеи видятся Солженицыну как антирелигиозные, несовместимые с христианским мировоззрением, умножающие гордыню человека и человечества. Такое мировоззрение может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью - провозглашенной и провидимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом - «представлением о человеке как о центре существующего». Это привело к тому, что гуманистическое сознание «не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопле-

ния материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания, <... > как если бы человек не имел более высокого смысла жизни».

Современному человеку, русскому или же западноевропейцу, воспитанному на просвещенческих идеалах, определяющих систему его ценностей на протяжении последних трехсот лет, практически невозможно смириться с мыслью, что не его счастье и не счастье человечества является конечной целью существования Вселенной. И в этом смысле неважно, где он рожден и воспитан: советская идеология мало чем отличалась от западной. «Не случайно все словесные клятвы коммунизма, - говорил Солженицын в Гарвардской речи, - вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление - общие черты в мирознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! - но такова логика развития материализма».

Но для чего же тогда рожден человек, если не для счастья? Такая постановка вопроса видится Солженицыным как глубоко порочная реализация просвещенческих идей. Многократно упрощенные в лозунгах советской литературы, эти идеи оборачиваются гибелью личности, обладающей «жалкой идеологией»: «человек создан для счастья», выбиваемый первым ударом нарядчика дрына» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Довод, которым Солженицын опровергает «жалкую идеологию», формулу «человек создан для счастья», прост и очевиден и уходит в бытийную и экзистенциальную сущность миропорядка: «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья, - он не был бы рожден и для смерти. Но оттого, что он обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом, главным образом, нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал ее».

Видит ли современный человек эту цель в конце своего жизненного пути? Если нет, то причина тому, по Солженицыну, становится дезориентация современного человека в этом мире и забвение им основных, глубинных, бытийных ценностей, и как результат - утрата истинного смысла жизни.

С гуманистическими идеями связаны и многообразные мифические представления, выработанные литературой XIX века, способные дезориентировать человека в историческом пространстве. Среди них - идеализация народного хозяйства без сколько-нибудь глубинного знания народной жизни, представление о некоей мистически предопределенной правоте народа на любых поворотах истории, уверенность в некоей фатальной истинности народных представлений.

Вероятно, глубокая уверенность этих взглядов, принесенных литературой XIX века, была следствием неудачной попытки заполнить духовный вакуум, образовавшийся в результате забвения «морального наследия христианских веков» и воли Высшего Духа, стоящего над людской жизнью. Но в человеке, даже выделившемся, противопоставившем себя миру, роду, жива потребность ощущения этой воли, потребность понимания Божественного замысла, дающего высшую нравственную оценку деяниям личности и нации и придающего смысл индивидуальному и национальному бытию. Общество, потерявшее ощущение Высшего Промысла, направляющего судьбу человека и историю нации, попыталось на это место поставить идеализированный образ Народа, который предстал как хранитель высшей мудрости и высшего знания о предназначении национальной судьбы. Истоки такого понимания - во второй половине XIX века и, в первую очередь в революционно-демократической идеологии.

В сущности, **взгляды Солженицына**, прямо выраженные в Гарвардской лекции, дают **ключ к пониманию** вековой распри между народом и интеллигенцией, глубоко ошибочного преклонения интеллигенции перед народом как хранителем некоей исконной истины, часто трансформированного в комплекс вины перед народом. Обращение писателя к историческим обстоятельствам начала XX века, в итоге разрешившимся гражданской войной, обнаруживает утопизм представлений русской интеллигенции о «народе-богососе». Следование этому мифу сказывается катастрофически и на судьбах людей, воспитанных в этих представлениях книгами и средой, и на крестьянских судьбах. Трагедии подобного рода исследуются Солженицыным и в десятичной эпопее «Красное Колесо», и в небольшом цикле двучастных рассказов 1990-х.

Итак, подобное восприятие реализма, отказ от вымысла, обращение к онтологической символике, религиозность как принцип восприятия исторической реальности предопределяют совершенно новый для светской литературы последних двух столетий и тип творческой личности, и эстетические принципы литературного творчества. Солженицын как бы вбирает в себя несовместимые, казалось бы, явления: обращение к опыту древнерусской литературы (синкретизм, онтологическая символика) и к художественным достижениям модернистской эстетики (многомерность повествовательной структуры, множественность точек зрения и их сочетаемость, подвижность авторской позиции, стремление повествователя встать на точку зрения персонажа).

Современная литературная ситуация вызывает подчас ощущение некоего тупика, едва ли преодолимого («Лед» В. Сорокина и «Бермудский треугольник» Ю. Бондарева - полюса литературно-художественного сознания, намечающие, как думается, в равной степени тупиковые векторы литературного движения). Опыт Солженицына, как нам представляется, предлагает литературное преодоление и постмодернистского тупика, и исчерпанности прежних, традиционных, политически тенденциозных реалистов. Правда, при одном условии: что он будет, наконец, прочитан и адекватно осмыслен.

Осмысление и понимание Солженицына - одна из самых актуальных задач, стоящих и перед каждым думающим человеком, которому небезразлична национальная судьба, и перед обществом, ищущим национальную идею и самоидентификацию.

Примечания

'См.: Голубков М.М. Александр Солженицын //Перечитывая классику. - М, 1999.